

Инь Сюаньши направлялся к Кузнице мечей, когда окружавшие его ученики внезапно, словно подсолнухи за солнцем, разом повернули головы в его сторону.

Юноша замер, сохраняя на лице привычную бесстрастную маску.

—?

Но толпа тут же отвела взгляды, и по рядам пополз нарастающий шепот.

Чувства полудемона были куда острее, чем у обычных людей. Сюаньши не собирался расспрашивать их в лоб — он лишь прикрыл глаза, скрывая их холодный блеск, и в его левом зрачке на мгновение вспыхнуло призрачно-лазурное пламя. Окрестные звуки тут же отчетливо зазвучали в его ушах.

— Да никто в здравом уме не станет ставить на Инь Сюаньши! Откуда взялось столько камней?! Целая тысяча линши! Кто-то явно решил пустить всё состояние на ветер!

— Может, какой-то идиот просто ошибся?

Сияние в глазах юноши угасло, и он едва заметно улыбнулся.

Единственным человеком, который мог ради него снизойти до участия в подобных забавах младшего поколения, был его учитель.

Сюаньши поднял взгляд на Кузницу. Там, на почетном месте главы пика Линсюэ, сидел Лю Цинсянь. Белоснежные одежды учителя сияли, точно лунный свет в сосновом бору, оставляя в душе юноши чистый и прохладный след.

В это время сам Лю Цинсянь, облаченный в безупречное достоинство истинного бессмертного, отрешенно взирал на толпящихся учеников ордена Линьцан. Внутри же у него всё переворачивалось от запоздалого раскаяния.

«Целая тысяча камней! Всё, что нажито непосильным трудом!» — Цинсянь был на грани того, чтобы вцепиться себе в волосы и завывать. — «Система, почему ты меня не остановил?!»

[А раньше, когда я пытался тебя вразумить, ты хоть раз меня слушал?] — равнодушно отозвался Система.

«Я точно лишился рассудка...» — простонал Цинсянь, едва сдерживая слезы.

Пока они препирались, ученики, допущенные к Церемонии определения судьбы, уже

собрались у подножия Кузницы.

Это место в горах за главным храмом считалось священным: именно здесь рождалось оружие судьбы каждого адепта ордена Линьцан. Повседневно Кузницу охраняли старшие ученики пика Линьшуан, не подпуская посторонних ни на шаг. Лишь в день Церемонии врата открывались, позволяя молодым заклинателям выбрать свой путь.

Оружие судьбы неразрывно связано с сердечным светильником практика. В ордене говорили: «Жив меч — жив человек, сломан меч — наступит смерть». Если артефакт разрушался, удар по сердечному светильнику был настолько сокрушительным, что выжить не удавалось почти никому.

Увидев, что все готовы, глава ордена Цзи Сяочжун поднялся со своего места и подошел к самому краю площадки.

— Сегодняшняя Церемония пройдет в том же порядке, в каком вы проходили вступительные испытания. Слушайте веление своего сердца. Помните: выбор делается один раз и навсегда.

Ученики торжественно склонили головы.

Цзи Сяочжун удовлетворенно кивнул и посмотрел на своего первого ученика:

— Первым пойдет Син Яньчжу.

Толпа взорвалась овациями и приветственными криками.

Син Яньчжу с легкой улыбкой взмыл вверх, приземлившись на самый край огромной Кузницы, в которой бушевало яростное пламя. Всмотревшись в пылающий зев Кузницы, он сделал едва заметное движение пальцами, точно маня кого-то к себе.

Раздался чистый, звонкий гул металла. В тот же миг на границе неба и земли разлилось священное сияние, и из пламени Кузницы ввысь взметнулся призрачный лазурный дракон. Огласив окрестности громовым рыком, он медленно растаял в воздухе.

Драконий силуэт обратился в холодный луч мечного света, который устремился вниз и замер точно в руке Син Яньчжу.

Тот сжал рукоять, внимательно изучая клинок, а затем широким, уверенным жестом поднял его над головой.

Зрители замерли в немом восторге. Когда же красота божественного меча предстала перед ними во всём величии, по толпе прокатился вздох изумления. Даже Лорды пиков не смогли

скрыть волнения.

Вэнь Цзиньлуань прикрыла рот ладонью и с улыбкой обратилась к Цзи Сяочжуну:

— Ученик старшего брата и впрямь необычаен. Этот меч был выкован руками самого основателя ордена и закалялся в недрах Кузницы шестьсот лет. Наконец-то он дождался своего часа.

Лю Цинсянь не выказал удивления. И в новелле «Апокалипсис Небесного Демона», и в его «первой жизни» Син Яньчжу всегда получал именно это оружие. Вполне логично — главному герою по статусу положен легендарный клинок.

Стоя на краю Кузницы, Син Яньчжу поднял меч обеими руками, озирая владения Линьцан. Он сиял, точно утренняя звезда, а во взгляде читалась готовность принять на себя заботу о всём мире.

— Имя этому мечу, — провозгласил он звучным голосом, — Цюэсе!

Даже Цзи Сяочжун не удержался от одобрительного кивка.

— Достойное имя, — отозвался он через духовную связь.

Ученики были потрясены. Сами слова, означавшие «Изгоняющий зло», казались пропитанными непоколебимой праведностью. Поддавшись общему порыву, они в едином возгласе выкрикнули имя меча.

— Цюэсе!

— Цюэсе!

Меч, обращающий в бегство нечисть этого мира. В руках Син Яньчжу он и впрямь оправдывает свое название: будет разить демонов, подавлять Небесных демонов и охранять покой Девяти провинций.

Именно поэтому Лю Цинсянь не питал к нему ненависти.

Пусть в прошлом Син Яньчжу и нанес ему роковой удар, он сделал это лишь потому, что был обманут. Его намерения всегда оставались чисты — он стремился истребить зло и защитить Дао. Единственное, что разочаровывало Цинсяня, — та легкость, с которой Яньчжу впустил в сердце подозрения и ополчился против учителя. Но как герой, обладающий твердым духом и великими заслугами, он был безупречен.

Пока Цинсянь пребывал в раздумьях, вновь раздался спокойный голос главы ордена:

— Второй — Инь Сюаньи.

Пальцы Лю Цинсяня непроизвольно дрогнули. Он впился взглядом в фигуру своего ученика. В прошлой жизни Сюаньи не проходил через эту церемонию, и теперь было совершенно неясно, какой артефакт откликнется на его зов.

Инь Сюаньи вышел из строя и легко запрыгнул на край Кузницы. Однако в ордене его всегда сторонились и опасались. Когда он начал ритуал, не раздалось ни единого ободряющего выкрика, ни одного хлопка.

Тишина была гнетущей. Это поставило Лю Цинсяня, который уже занес руки для аплодисментов, в крайне неловкое положение.

Впрочем, Сюаньи давно привык к подобному холоду. Замерев у пылающего зева, он сосредоточился, вглядываясь в огонь, но Кузница хранила молчание. Прошло довольно много времени, а пламя даже не колыхнулось.

Среди учеников внизу началось волнение.

— Неужели ни одно оружие не желает входить с ним в резонанс?

— Он же полудемон. Видно, и впрямь не рожден для пути праведности.

Голоса становились всё громче, и эти пересуды достигли ушей мастеров на возвышении.

Лю Цинсянь внутренне сгорал от тревоги. Сюжет этой жизни он перекроил так, что родной автор бы не узнал, поэтому обращаться к Системе за подсказками было бесполезно.

Сейчас всё зависело только от самого Инь Сюаньи.

Юноша продолжал стоять неподвижно, словно каменное изваяние. Вечный горный ветер, проносясь между пиками Линьцан, ласкал его лицо и перебирал пряди волос на лбу.

Этот мягкий, прохладный ветерок напомнил Сюаньи взгляд учителя — такой же нежный и поддерживающий. Стоило в памяти промелькнуть образу этих улыбающихся «глаз феникса», как буря в душе юноши мгновенно улеглась.

Он убрал духовное чутье, которое до этого направлял вовне, и вместо этого позволил обострившимся чувствам полудемона проникнуть в самое сердце Кузницы.

Гул магмы, рев огня... Там, на самом дне, скованном невыносимым жаром, ему почудилась заводь тихой воды, ждущая, когда её наконец найдут.

Инь Сюаньи внезапно распахнул глаза. Резким, решительным движением он вскинул руку, и в ту же секунду из глубины Кузницы донесся яростный лязг металла.

Дао Сяово с интересом выпрямился в своем кресле:

— Ого, ну и грохот. Кажется, нас ждет пробуждение чего-то древнего.

Вся Кузница содрогнулась. Сюаньи стоял на краю, не шелохнувшись, словно не замечая, как под его ногами ходит ходуном земля.

Дрожь усилилась, пламя взметнулось до небес, и из недр, точно при извержении вулкана, выплеснулись потоки багровой магмы. Следом за ними, прошибая огненную завесу, ввысь ударили два луча лазурного света, целясь прямо в Инь Сюаньи.

«Сейчас!»

Юноша прищурился. Он мгновенно выбросил руки вперед, перехватывая эти сияющие сполохи. Порыв ледяного ветра пронесся над площадкой, свет рассеялся, и в руках Сюаньи оказались два длинных кинжала.

Опустив взгляд, он увидел на лезвиях прихотливый узор из черной чешуи — казалось, две живые рыбины только что выпрыгнули из глубоких вод.

<http://bllate.org/book/17557/1712022>